

УДК 32
ББК 66
К 126

К 126 КАВКАЗ. Ежегодник КИСМИ. - Ереван, Кавказский институт СМИ, 2006. - 359 с.
Второй выпуск ежегодника КИСМИ посвящен итогам 2004 года на Кавказе. В основу сборника легли доклады, сделанные учеными из Азербайджана, Армении, Грузии, России и Турции на ежегодной конференции КИСМИ. Основную часть выпуска составляют аналитические материалы, посвященные различным, в первую очередь внутренне- и внешнеполитическим, аспектам жизни Южного и Северного Кавказа в 2004 г. В приложении имеется хронология, статистические данные, списки книг о Кавказе, географические карты и интернет-ресурсы.

Редактор А. Искандарян
Редколлегия: Н. Искандарян, А. Карагулян, С. Минасян
Дизайн обложки студии «Матит» www.matit.am
Макет и географические карты: студия «Коллаж»

The Caucasus Yearbook. - Yerevan, CMI, 2006. - 359 p.
The second CMI Yearbook sums up year 2004 in the Caucasus based on talks given by scholars from Armenia, Azerbaijan, Georgia, Russia and Turkey at the Yearly CMI conference. The bulk of the volume are analytical papers on a number of issues, primarily in the area of domestic and foreign policy, of the Southern and Northern Caucasus. Appendices contain brief chronology, statistics, lists of books about the Caucasus, maps and web links.

Editor A Iskandaryan
Editorial team: N Iskandaryan, A Karagulyan, S Minasyan
Cover design by Matit www.matit.am
Layout and maps by Collage

ISBN 99941-2-028-x

ББК 66
© КИСМИ, 2006 г.
© 2006 by Caucasus Media Institute

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	4
<i>Статьи</i>	
А.Искандарян Феномен цветных революций как ядро политического дискурса в странах Южного Кавказа	6
А.Юнусов Азербайджан периода Ильхама Алиева	16
Г.Арешидзе Государственное строительство и правление в новой Грузии	46
С.Золян Это сладкое слово «стабильность». Армения в 2004 г.	87
Л.Арутюнян «Общество ни войны ни мира» и перспективы мирного разрешения карабахского конфликта	104
А.Хачатрян Энергетическая безопасность стран Южного Кавказа - роль стран региона и внешних сил	111
С.Арутюнов Россия на Северном Кавказе	129
М.Баснукаев Чеченский регион: риторика и реальность	136
А.Скаков Россия и страны Южного Кавказа: 2004 г.	146
И.Торбаков Изменения в Турции и кавказская политика в 2004 г.	182
Д.Петросян Непризнанные государства Кавказа: тенденции развития	190
<i>Приложения</i>	
Основные экономические тенденции развития стран Южного Кавказа	291
2004 год на Кавказе: краткая хронология	297
Книги о Кавказе, вышедшие в 2004 г.	322
Некоторые интернет-ресурсы о Кавказе	336
<i>Об авторах</i>	342
<i>Географические карты</i>	343
<i>Примечание редактора</i>	
1. Кавказ. Вид из космоса	344
2. Кавказ. Политико-административная карта	345
3. Кавказ. Этнографическая карта	346
4. Черноморско-каспийский регион	347
Схема трубопроводов	
Contents/Authors/Summary	348
<i>Издания Кавказского института СМИ</i>	352

.....
 : 2 0 0 4 .

Внешнеполитическое положение России к концу первого срока президентства В.В.Путина можно было считать вполне устойчивым. За годы, прошедшие после ухода Б.Н.Ельцина, ситуация в стране стабилизировалась, отношения со странами Западной Европы и США заметно улучшились, политика России на постсоветском пространстве стала более реалистичной и продуманной. СНГ вышло в число приоритетов Москвы и можно было надеяться, что опыт сотрудничества России и США в Узбекистане и Киргизии поможет обеим сторонам перейти от более-менее закамуфлированного соперничества к прагматичному и взаимовыгодному сотрудничеству. Имели место, безусловно, и ощутимые проколы, как то, к примеру, резкое и неоправданное ухудшение отношений с одним из главных и естественных союзников России в СНГ - Белоруссией. Сама возможность таких провалов, связанных, во многом, с субъективным фактором, вызвала понятную тревогу у экспертного сообщества. Тем не менее, это казалось скорее исключением из правила. Сохранялся, конечно, и потенциал геополитического соперничества между Москвой и Вашингтоном, Москвой и Брюсселем. Улучшение отношений происходило на высшем уровне, а на среднем уровне, у бюрократов всех заинтересованных сторон, оставался существенный потенциал взаимного недоверия и нежелания учитывать интересы друг друга. Переоценивать подобные «партнерские отношения», подчиняющиеся логике «жалует царь, да не жалует псарь», было опасно.

Как представляется, позитивный итог российской внешней политики 2000-2003 гг. был связан с наличием адекватных ответов Москвы на вызовы этого времени. Реакция Кремля была своевременной, акценты расставлялись точно и последовательно, позиции России были четко обозначены. Ситуация изменилась в конце 2003 г. Безусловно, это изменение опиралось на процессы, идущие на протяжении нескольких лет, но не выходящие до поры на поверхность. Москва не только не смогла проследить эти процессы и предвидеть их последствия, но и не смогла в необходимый момент дать достойный и внятный ответ на произошедшие изменения. К примеру, все аналитическое сообщество России дружно «проглядело» процессы, приведшие к «революции роз» в Грузии. Кризис режима Э.Шевард-

надзе был очевиден, но его столь быстрый крах, а затем и падение А.Абашидзе в Аджарии, никто не ожидал. В Москве, скорее, существовала уверенность в неизбежности постепенной трансформации режима Э.Шеварднадзе и в качестве основного вопроса рассматривался поиск преемника. И это только одна из ошибок, допущенных Москвой в 2003-2004 гг.

Проблема в том, что изменившийся мир поставил перед российской властью новые вопросы, ответы на которые она пока что не нашла. Новые вызовы требуют изменения политики и адекватных действий, имеющих свою логику и соответствующих реалиям. Создается ощущение, что Кремль пытается найти эти ответы, но, оказавшись в цейтноте, поддается иной раз какой-то странной панике, желанию или «отложить» решение проблемы на более позднее время, либо решить её «кавалерийским наскоком», без планомерной работы над выстраиванием долгосрочной политики. Сейчас возникает чувство, что способность к планированию на стратегическую перспективу Кремлем почти утрачена. Возникает вопрос, удастся ли восстановить эту способность, или хаотичные действия, напоминающие политику Б.Н.Ельцина, будут и далее приносить России больше вреда, чем пользы.

Характерным проявлением кризиса российской внешней политики в 2004 г. стали события на Южном Кавказе. Все ошибки и недостатки проявились здесь в чистом виде, а их следствием стало заметное ослабление позиций России в регионе. Более того, ослабление позиций России на Южном Кавказе не проходит незаметно и для других партнеров Москвы. Идущие здесь процессы внимательно отслеживают не только в странах СНГ, но и в Центральной Европе, в Турции и в Иране, в других регионах.

Сразу отмечу, что в мою задачу не входит анализ экономических взаимосвязей между Россией и странами региона. В этой сфере в последние годы сложилась странная ситуация, в которой больше не работает тезис о «политике как продолжении экономики». Разобщенность бизнеса и власти в России, их общее нежелание играть по установленным правилам, привели к весьма печальным для страны последствиям. В настоящее время крупный бизнес, как правило, не ощущает поддержки своего государства, и, в свою очередь, не желает проводить экономическую политику, соответствующую интересам России. Поэтому связь между российской политикой и российским бизнесом носит опосредованный характер, проявляя зависимость, в большей степени, от субъективных факторов.

Фактор «цветных революций»

Одним из новых вызовов российской политике, нарушающим сложившийся статус-кво, стали «цветные революции» на постсоветском пространстве. Сложно считать их абсолютно новым явлением, но опыт революции в Сербии и антироссийских выступлений в Молдавии не был своевременно учтен московскими аналитиками. Сейчас же для этого обдумывания и адекватного реагирования осталась слишком мало времени. Кроме того, поиску ответа на это явление препятствует заметная нервозность, граничащая с паникой, в столицах стран СНГ, среди правящих элит.

На примере «революции роз» в Грузии, учитывая опыт Сербии, Украины и Киргизии можно выделить основные элементы использованного в этих случаях сценария проведения «управляемой» революции. Бесспорно, «революции» в этих странах имели не только внешние, но и внутренние стимулы. Кризис власти и элиты, переходящий в кризис управляемости в целом по стране, нарастание негативных тенденций в социально-экономической сфере, тотальная коррупция и неспособность власти бороться с нею - все это имело место. Но аналогичные кризисные явления имеют место и в большинстве других стран, и не только на постсоветском пространстве, но и по всему миру. Не меньшее значение играла и слабость и непоследовательность власти, которая не могла выбрать между авторитарной и демократической программой развития, шарахаясь из стороны в сторону. Но роль катализатора в революционных процессах сыграло, как представляется, внешнее воздействие.

Несомненно, формирование новой объединенной оппозиции, а именно о ней можно говорить в этих случаях, являлось длительным процессом, требующим нескольких лет напряженных усилий. В ходе этого процесса происходит как «естественный отбор» (благодаря допущенным ими ошибкам), так и своего рода «кастинг» оппозиционных лидеров. Проводится маргинализация (или оказывается воздействие этому процессу) их основных конкурентов, то есть тех лидеров, которые по каким-либо причинам не устраивают идеологов и организаторов «революции». Учитывается даже «гендерный фактор» (один из лидеров бывшей оппозиции и в Грузии, и на Украине, и в Киргизии - женщина).

Оппозиция выбирает и формирует основное направление атаки на власть. Наиболее выигрышной темой в условиях нерешенных и нарастающих социальных проблем является борьба с коррупцией. Параллельно с этим оппозиция ведет линию на дискредитацию си-

ловиков, и в этой связи очень удобным представляется обвинение в организации заказных убийств журналистов или политических оппонентов. С привлечением западных экспертов демонстрируются недостатки существующей в стране избирательной системы, что, с одной стороны, позволяет поставить под сомнение итоги выборов, а с другой - дает возможность оказать давление для изменения выборного законодательства (в первую очередь, принципов комплектования избирательных комиссий различных уровней). Лидеры оппозиции поднимают свой рейтинг (сначала - степень своей узнаваемости) путем постоянного привлечения внимания к своей персоне (скандалы) и популистскими действиями в парламенте. Создаются молодежная организация, готовая на активные действия, а также неафишируемые незаконные вооруженные формирования.

Оппозиция проводит регносцировку (может быть не одну) своих сил и слабости власти, доказывающую уязвимость власти перед митинговой стихией. Предварительная проба сил проводится на местных выборах, а в случае успеха на них оппозиция получает хороший плацдарм для атаки на власть и трибуну для саморекламы. При этом учитываются разная степень активности и оппозиционности столичного и провинциального населения. Далее следует момент собственно «революции», основанной на непризнании официальных итогов выборов. Поддержка данного сценария обеспечивается со стороны иностранных фондов и организаций, международных организаций (в случае Грузии - МВФ и ПАСЕ), стран Запада (в случае Грузии - США и Великобритании).

Учитывая внутреннюю логику данного сценария, предположим, что очередными жертвами «управляемой» революции станут режимы в Азербайджане, а затем и в Армении. В Азербайджане парламентские выборы должны пройти в ноябре 2005 г. В последние месяцы здесь наблюдается объединение оппозиции (ПНФА, Мусават, Демократическая партия), создается молодежная (студенческая) организация («Оранжевое движение Азербайджана»), оппозиция объявила, что наберет на выборах не менее 75% голосов, по силовым структурам нанесен удар коррупционным скандалом, власть обвиняется в убийстве 2 марта редактора оппозиционного журнала «Монитор» Эльмара Гусейнова. Все эти факты полностью соответствуют логике «управляемой» революции. Вслед за Азербайджаном, вероятно, последует Армения, где также начался процесс объединения оппозиции (и формирования новой оппозиции) и есть признаки формирования оппозиционного молодежного движения. Очевидно, что после вто-

рой «цветной» революции в странах Южного Кавказа третья революция станет уже неизбежной.

Россия и Армения

Отношения России и Армении последние годы развивались в позитивном ключе и, казалось бы, ничего или почти ничего не может их омрачить. Тем не менее, в прошедшем году наметились некоторые тревожные симптомы. Во-первых, они связаны с излишне прямолинейной и безусловной поддержкой, оказываемой Москвой официальному Еревану в его противостоянии с оппозицией. Весной 2004 г. ситуация осложнялась некоторым равновесием сил, когда и власть и оппозиция показали свою слабость. Россия имела полное право поддерживать действующего президента республики, обозначая свои действия как поддержку стабильной Армении и легитимной власти. Такие акценты либо не были расставлены, либо прозвучали недостаточно громко.

Одним из пороков российской внешней политики, который иногда пытаются представить достоинством, является нежелание и неумение Москвы контактировать с оппозицией. Кремль всецело завязан на властные структуры той или иной страны, даже в том случае, если проводимая этой страной политика не во всем соответствует интересам России. Речь не идет о том, чтобы финансировать оппозицию. При неумении российской власти работать с различного рода фондами, НПО, теневыми структурами такое финансирование было бы слишком явным и принесло бы принявшей его оппозиционной силе больше вреда, чем пользы. В первую очередь, необходимо налаживать диалог с оппозицией, рассматривая её как важную часть общества той или иной страны. Если Кремлю важны стабильность в странах СНГ, развитие с ними взаимовыгодных отношений, сохранение в них российских экономических и культурных позиций, недалеко видно ориентироваться при этом только на властную элиту, отбрасывая в сторону значительный сегмент общества. Отношения должны развиваться не между, к примеру, правящей элитой России и правящей элитой Армении, а между народами и обществами этих стран. В этом случае налаживание контактов с оппозицией является необходимым условием таких отношений.

Кроме того, Москва в этом случае получала бы возможность выступать в роли арбитра между оппозицией и властью в случае возможного внутривластного кризиса, подталкивая обе стороны к диалогу. Наиболее стабильная ситуация возникает в том случае, ес-

ли оппозиция не маргинализирована и не вытеснена из политической жизни страны. В противном случае неизбежно либо скатывание страны к авторитаризму, либо формирование новой оппозиции, как правило, более радикальной. Вряд ли эти варианты соответствуют интересам Москвы.

Другая проблема - недостаточно сильное культурное присутствие России в Армении. Учитывая характер тесных и многовековых связей народов двух стран, мало омраченных историческими обидами, такое присутствие не менее важно, чем экономическое или военное и, что самое важное, именно оно в наибольшей степени бросается в глаза населению. До сих пор, несмотря на неоднократные попытки, не создан полноценный российский культурный и информационный центр, занятый, в том числе, распространением российских печатных изданий. Аналогичная проблема, безусловно, имеет место и в других странах Южного Кавказа.

Притом, что Армения считается надежным союзником России, и позиция официального Еревана не меняется, в настоящее время могут быть прослежены некоторые признаки изменения его подходов. Согласно официальной позиции Еревана, озвученной, в частности, спикером парламента Армении Артуром Багдасаряном во время визита в Ереван делегации Совета Федерации РФ, «во внешней политике Армении вопрос о вхождении в НАТО не стоит. Армения сотрудничает с этим блоком в рамках программы «Партнерство ради мира», как и многие страны СНГ, в том числе и Россия... Россия - это наш главный союзник, стратегический партнер, и, естественно, мы будем действовать соразмерно политике такого сотрудничества».

Признак корректировки позиции Еревана - принятое во время визита Р. Кочаряна в Польшу 6 сентября решение о направлении в Ирак 50 военнослужащих армянского контингента в составе коалиционных сил под командованием Польши в рамках соглашения о сотрудничестве двух стран в сфере безопасности. В ситуации, когда целый ряд стран, в том числе, и союзники США, вывели или выводят свои контингенты из Ирака, такое решение выглядит несколько странным. Комментируя его министр обороны Армении Серж Саркисян отметил, что «Армения себя чувствует частью Европы» и «Армения, как часть Европы, несет обязательства по оказанию помощи коалиции в деле обеспечения безопасности».

Кроме того, по словам С. Саркисяна во время встречи с помощником заместителя госсекретаря США Лорой Кеннеди, уже после принятия данного решения, 15 октября, «армяно-американские во-

енные отношения развиваются равномерно... Это для нас имеет существенное значение, и мы будем продолжать двигаться в этом направлении». На этой встрече, как и на встрече Р.Кочаряна с Л.Кеннеди, обсуждался также и вопрос карабахского урегулирования. На встрече С.Саркисяна с новым послом Германии в стране в сентябре 2004 г. министр обороны заявил, что Армения считает сотрудничество с НАТО «основополагающей частью своей системы безопасности». На этой встрече также обсуждалась карабахская проблема.

За решением об участии в иракской коалиции последовали разъяснения, что контингент будет в основном состоять из водителей, врачей и саперов, а спикер парламента А.Багдасарян отметил, что данный вопрос ещё не рассматривался в парламенте. Часть влиятельных армянских экспертов сочла данное решение непродуманным, против него высказалась армянская община Ирака. Вице-спикер НС представитель партии «Дашнакцутюн» В.Ованнисян отметил, что вопрос об отправке контингента в Ирак Армения сначала должна была согласовать со своими союзниками по ОДКБ, а также с Францией и Германией. Кроме того, Ованнисян потребовал от США «нашей доли гарантий безопасности».

Вероятно, не случайно, что с решением об отправке армянского контингента в Ирак совпала истерия в армянских СМИ о якобы введенной Россией блокаде Армении, вызванная закрытием Россией КПП «Верхний Ларс» на границе с Грузией. При этом оценки этого события со стороны армянского бизнеса были гораздо более сдержанны. Некоторые армянские СМИ, напротив, прямо связали закрытие КПП «Верхний Ларс» с решением руководства Армении послать контингент в Ирак. Особенно резко о действиях России на границе с Грузией отозвались представители АОД, объединения «Национальное самоопределение» и близкая к ним пресса, поддержавшие, в свою очередь, решение об отправлении армянского контингента в Ирак.

Коррективы курса Еревана по отношению к НАТО осуществляются на фоне показательных изменений общественного мнения. По проведенному в октябре социологическому опросу, 26% населения готовы во внешней политике ориентироваться в равной степени на Россию и Запад, 19% - скорее на Запад, 14% - исключительно на Запад, 14% - исключительно на Россию. В сфере военной интеграции 29% готовы ориентироваться в равной степени на Россию и НАТО, 21% - скорее на НАТО, 20% - скорее на Россию, 18% - исключительно на Россию, 8% - исключительно на НАТО. 72% настроены на

вхождение в Евросоюз, 26% предпочитают СНГ.

Таким образом, наблюдается некоторое разочарование населения в пророссийской ориентации, которое не находит должного ответа со стороны власти. Не исключено также, что более активное внедрение НАТО в Армению будет сопровождаться выдвиганием со стороны Запада нового плана карабахского урегулирования. Таким образом, имеют место тенденции, которые должны вызвать в Москве серьезные опасения. И здесь дело не в том, что Россия считает однозначно неприемлемым членство в НАТО какой-либо из стран СНГ, а в том, что такое членство, в условиях неурегулированности баланса интересов между Россией и НАТО, будет способствовать появлению на континенте новых разделительных линий, смене политической ориентации потенциальных членов блока и вытеснению России из региона.

Россия и Азербайджан

После прихода к власти в России В.В.Путина российско-азербайджанские отношения развивались поступательно. Острые углы во взаимоотношениях (раздел Каспия, наличие в Баку некоторого подбоя тыловой базы чеченских террористов, лезгинская проблема, статус Габалинской РЛС) были либо решены и сняты, либо отложены в сторону (вопросы наполнения нефтепровода Баку-Новороссийск и строительства нефтепровода Баку-Тбилиси-Джейхан, проблема карабахского урегулирования и военно-политический союз Москвы и Еревана). Первый официальный визит нового президента Азербайджана И.Алиева в Москву прошел в начале февраля 2004 г. Особо значимых результатов достигнуто не было, но многовекторный характер внешней политики Азербайджана его новый лидер обозначил вполне четко. По его словам, «иметь хорошие отношения с одними не значит, что плохими будут отношения с другими». Кроме того, отношения между Баку и Вашингтоном в этот период можно назвать достаточно холодными. Тем самым, И.Алиев, как и Л.Кучма, был вынужден повернуться лицом к Москве.

В ответ на исходящие из Баку позитивные сигналы, Россия заняла сдержанную и равноудаленную позицию в карабахском конфликте. Азербайджан, в свою очередь, не ограничиваясь улучшением отношений с Россией, всерьез озаботился урегулированием азербайджано-иранских взаимоотношений. Такая политика привела к успеху в декабре 2004 г. - январе 2005 г. В то же время, И.Алиев стремился пойти навстречу интересам США, развивая военно-поли-

тическое сотрудничество с Вашингтоном, но до определенных пределов, избегая превращения Азербайджана в заложника чужой внешней политики. Кроме того, И.Алиев дважды отказался поддержать действия США на постсоветском пространстве, причем если в первом случае (поддержка Э. Шеварднадзе во время «революции роз» в Грузии) это можно было оправдать политической неопытностью молодого президента, во второй раз (поддержка кандидатуры В.Януковича на выборах на Украине) действия И.Алиева явно шли в фарватере политики Москвы. Независимость политики И.Алиева показал и скандал с отменой запланированных на территории Азербайджана учений в рамках программы «Партнерство ради мира», нарушивший планы НАТО из-за несогласия Баку с участием в учениях офицеров армянской армии. В то же время, российский провал на Украине явно повлиял на политику официального Баку: бессилие, глупость и импотенция, показанные российскими политтехнологами, их покровителями, и их украинскими визави, были оценены по достоинству. Риторика И.Алиева несколько изменилась, в ней появились намеки на деструктивную роль России в решении карабахской проблемы. Обращает на себя внимание и визит И.Алиева в конце марта 2005 г. в Варшаву, ставшую в последнее время центром консолидации сил, стремящихся оттеснить Россию на обочину Европы.

Предстоящие в ноябре парламентские выборы ставят И.Алиева перед альтернативой: продолжать безусловно выгодную Азербайджану многовекторную (даже можно сказать, «комплиментарную») политику, рискуя вызвать недовольство Вашингтона и, как следствие, очередную управляемую революцию или же повернуться в сторону США, пожертвовав ради этого партнерством с Россией и Ираном. Визит Д.Рамсфелда в Азербайджан показал, что Баку в этом вопросе ещё не определился. С одной стороны, повестка дня переговоров с министром обороны США полностью соответствовала американскому сценарию, предполагая однозначный выбор Баку и превращение страны, в дальнейшем, в плацдарм для силового давления на Иран. Понятно, что такая перспектива не может устроить руководство Азербайджана. Поэтому, вероятно, не случайно И.Алиев не стал встречаться с Д.Рамсфелдом.

Нельзя не отметить, что российская политика не в полной мере использовала имеющуюся у Москвы возможность строительства партнерских и дружеских отношений с Азербайджаном. Проведения «Года Азербайджана» в России или «Года России в Азербайджане»

ни в коей мере не снимают имеющихся проблем, а стандартный набор мероприятий не может заменить давно назревшие меры по улучшению взаимопонимания между народами. На фоне ужесточения в России иммиграционных правил и закона о гражданстве, учитывая экономическую заинтересованность большинства азербайджанцев в присутствии на российском рынке рабочей силы и в российской экономике, проведение концертов и презентаций может выглядеть как издевка или времяпровождение оторванных от реальной жизни обитателей хрустального терема. Абсолютно бессмысленным и вредным было в этой связи и введение ограничений на российско-азербайджанской границе после Бесланской трагедии.

Как и в случае с Арменией, на нулевой точке находятся контакты между Москвой и азербайджанской оппозицией. Звучащие нередко в России высказывания о ненужности таких контактов, поскольку, якобы, оппозиция в Азербайджане, как и в других странах Южного Кавказа, является антироссийской, не вполне соответствуют реалиям. Во всех трех странах оппозиция весьма разнородна и, что особенно важно, находится в стадии формирования. В том случае если в Азербайджане не сформируется влиятельная и ответственная оппозиция, протестный электорат может быть перехвачен более радикальными группировками, в том числе, исламистскими.

Россия и Грузия

На протяжении последнего года продолжается ухудшение отношений между Россией и Грузией, при этом их дальнейшее обострение практически неизбежно в случае новых витков противостояния в Южной Осетии или Абхазии. В конце зимы и весной 2004 г. в Москве существовала некоторая эйфория, надежда начать российско-грузинские отношения с чистого листа. События лета 2004 г. нанесли по этим иллюзиям сокрушительный удар.

Такое положение делает необходимым четкую и жесткую реакцию со стороны российского руководства, а также убедительное обоснование политики России по отношению к этой стране. Важно осознавать, что провалы и отступления Москвы в грузино-российских отношениях негативно влияют на позиции России во всем СНГ, так как отслеживаются и учитываются другими нашими партнерами. Очевидно, в частности, что сдача Россией своих позиций в грузино-российском диалоге оказала воздействие на позицию Молдавии.

В российско-грузинских отношениях можно выделить несколько наиболее проблемных направлений. В последние полгода грузи-

нская сторона пытается вынести на передний план наиболее, по её мнению, выигрышное для Тбилиси направление - вопрос о выводе российских военных баз. Тем не менее, более основополагающими следует считать другие вопросы, и, в первую очередь, проблему Абхазии и Южной Осетии.

Как представляется, учитывая явную недружественность Тбилиси, неразрешимость в обозримой перспективе абхазского и южно-осетинского кризисов, отсутствие перспектив улучшения российско-грузинских отношений, российскому руководству целесообразно заморозить подписание Большого рамочного договора с Тбилиси. Необходимо осознавать, что подписание такого договора весьма желательно для Тбилиси и абсолютно не нужно для Москвы.

Неудачный для России исход переговоров по базам во многом связан с допущенными Москвой ошибками. Изначально заявленные требования были завышенными, что практически исключало поиск компромисса и могло свестись исключительно к перетягиванию каната. Поддержка со стороны США перетянула канат в пользу Грузии. Более того, настаивая до последнего на переоформлении российских баз в совместные антитеррористические центры Россия, фактически, пошла на поводу у Грузии, которая первоначально и выдвинула эту странную идею. Очевидно, что создание антитеррористического центра в Аджарии или в Джавахетии, где нет какой-либо мало-мальски ощутимой угрозы терроризма, мягко говоря, бессмысленно. Российские базы в Грузии в настоящее время перестали быть фактором военным, хотя и остались фактором политическим. Батумская военная база стала скорее заложником, чем проводником политики России в регионе, в значительной степени утратив, после свержения режима Абашидзе, и своё политическое значение. Начиная с лета 2004 г. грузинские власти осуществляли её не афишируемую блокаду. Поэтому было целесообразно ещё летом или осенью начать вывод Батумской базы, оставив это, разумеется, как жест доброй воли со стороны Москвы и не выставляя при этом дополнительных условий Грузии. К сожалению, этого сделано не было. Вопрос о Батумской базе не без стараний самой России был увязан с вопросом базы в Ахалкалаки.

Напротив, политическое значение базы в Ахалкалаки оставалось достаточно высоким, учитывая фактор армянонаселенного Джавахка. Со стороны Москвы была сделана попытка активизировать работу с армянскими общественными организациями региона и с его населением, обозначив консолидированную позицию местной эли-

ты, но было уже поздно. На фоне ультиматумов, выдвинутых грузинской стороной, и сжатых временных рамок для переговоров, прошедшие в регионе митинги могли быть расценены только как манипулирование общественным мнением жителей Джавахка со стороны российских военных.

Теперь, когда соглашение о выводе российских военных баз стало реальностью, необходимо оценить будущие последствия этого события. Считая это политическим поражением Кремля, необходимо отметить и весьма относительный характер выигрыша Грузии. Очевидно, что это событие не изменит в позитивную сторону российско-грузинские отношения. Скорее, вывод баз можно расценить как ещё один гвоздь, вбитый Тбилиси в крышку гроба российско-грузинского взаимопонимания. Вряд ли вывод баз позитивно повлияет и на безопасность Грузии. Более того, можно обратить внимание на следующий факт: как стало известно в конце марта, через два года на территории Зеленчукского района Карачаево-Черкесии, то есть непосредственно на границе с Грузией, будет закончено размещение горнострелковой бригады. Напрашивается предположение, что этот факт является во многом знаковым.

Безусловно, российской власти необходимо, позиционируя свое отношение к политике Тбилиси, четко различать режим Саакашвили и собственно грузинский народ. К сожалению, этого обычно не делается. Проводя осознанную и четко артикулированную политику по давлению на Грузию и по интеграции Абхазии и Южной Осетии в российское пространство, было бы целесообразно в один из острых моментов, когда пропагандистский накат на Россию со стороны Тбилиси достигнет высшей точки, отказаться в одностороннем порядке от визового режима с Грузией, подав это как шаг навстречу простому народу и гуманитарную акцию. Отметим, что в этом вопросе власти Грузии уже опередили Москву, максимально облегчив визовый режим. Теперь российская власть оказывается в заведомо проигрышном положении: отмена визового режима будет расценена всего лишь как запоздалый ответ на инициативу Тбилиси.

Необходимо четко осознавать что не только пророссийской, но и вообще какой-либо массовой и способной претендовать на власть оппозиции в Грузии на сегодняшний день нет. Тем не менее, необходимо налаживать и развивать взаимодействие со всем спектром оппозиционных групп и организаций Грузии. Необходимо также вести долговременную работу с грузинской диаспорой в России, не имея при этом завышенных ожиданий и работая более на дальнюю перспективу.

Россия и непризнанные государства Южная Осетия

Уже несколько последних лет, ещё до прихода к власти в Грузии М. Саакашвили, назревал новый конфликт вокруг Южной Осетии. При этом южноосетинский конфликт и обществу, и экспертному сообществу Грузии казался наиболее легко разрешимым. По опросу в октябре 2001 г. 51,2% респондентов считали возможным достижение скорого мирного урегулирования (только 38,6% считали возможным это для абхазского конфликта), лишь 18,7% допускали возобновление вооруженных столкновений (47% считали вероятным начало новой войны в Абхазии)¹. Объяснить столь завышенные и оптимистичные ожидания логически достаточно трудно. Но, безусловно, именно они вызвали провокационные действия М. Саакашвили, сделавшего летом 2004 г. ставку на «кавалерийское» решение южноосетинской проблемы. В Цхинвале планировалась третья «революция роз», следующая за Тбилисской и Батумской. А за Цхинвали должен был последовать Сухуми.

Реальные данные изначально противоречили радужной картинке, сложившейся в сознании грузинских политиков. Так, по социологическому опросу, проведенному на территории Южной Осетии в 2002 г. при помощи специалистов Школы государственного управления им. Дж. Кеннеди при Гарвардском университете, только 7% респондентов высказались за те или иные формально-правовые отношения с Грузией (федерация, конфедерация, автономия), тогда как в 1997 г. 21% опрошенных выступал за воссоединение в той или иной форме с Грузией. Среди респондентов 20–29 лет в 2002 г. не нашлось ни одного защитника установления той или иной формы грузинского суверенитета².

Был ли у Саакашвили какой-либо четкий план, когда он начал «операцию» в Южной Осетии? Или же он намеревался действовать согласно учению В.И.Ленина - «сначала ввяжемся в бой, а потом посмотрим»? Саакашвили счел, что ситуация в Южной Осетии такая же, как в Аджарии в конце правления Абашидзе, когда высокие слова, в данном случае, о независимости, лишь прикрывают корыстные интересы криминальных группировок в наркобизнесе, контрабанде, торговле оружием. В России сепаратистов также под-

держивают коммерческие структуры и военные круги. Соответственно, если российские коммерсанты будут заинтересованы в бизнесе в Грузии, а «криминальные группировки» в Цхинвале лишатся своих доходов - сепаратистский режим Кокойты рухнет.

Но реальная ситуация оказалась гораздо сложнее. Тбилиси переоценил уровень криминализированности режима Кокойты и недооценил уровень его народной поддержки. Как отмечали сами грузинские эксперты, Саакашвили в Южной Осетии не сумел «размежевать друг от друга народ и власти». Его «мирный настрой длился недолго», и «за азотными удобрениями, мукой и пенсиями последовали танки и автоматы»³. Недооценил Саакашвили и готовность России и россиян поддержать своих сограждан на Южном Кавказе. Ситуация стала выходить из-под контроля, и для её спасения оставалось одно: представить кризис в Южной Осетии как агрессию имперской России против демократической Грузии и обратиться за помощью к международному сообществу, привлечь к южно-осетинскому урегулированию США, ЕС и ОБСЕ. С их помощью добиться «демилитаризации Южной Осетии» и направления в регион «международных миротворческих сил, сбалансированных и учитывающих позицию евро-атлантических партнеров Грузии».

Обострение в Южной Осетии происходило на фоне сфальсифицированных, по мнению некоторых независимых наблюдателей, выборов в Аджарии и принятия парламентом Грузии 1 июля закона «О статусе Аджарской автономной республики, в связи с изменениями, вносимыми в Конституцию Грузии». Автономия Аджарии была значительно сокращена, в ведении её властей остались только «охрана общественного порядка, содействие развитию образования и науки, создание культурных заведений, решение вопросов туризма и спорта, а также строительства и урбанизации местного значения, решение проблем санитарии, охраны здоровья и социального обеспечения, сельского хозяйства и контроля за качеством продуктов». Более того, со стороны некоторых грузинских политиков прозвучали обещания после урегулирования абхазского и южноосетинского вопросов упразднить её вообще. М.Саакашвили ответил на это двусмысленно: «когда мы решим вопрос Абхазии и Южной Осетии, мы обязательно вернемся к вопросу регионального обустройства страны в целом, и тогда будут внесены новые поправки»⁴.

¹ О перспективах разрешения конфликтов на Южном Кавказе. Результаты социологических опросов 2001 г. Тбилиси, 2002. С.12-15.

² Маркедонов С. Осетинская проблема: «связанный» конфликт // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. Выпуск 14, Декабрь 2004.

³ Антадзе И. Юго-осетинская дилемма для грузинского государства // Кавказский акцент, № 17(114), 01-15.09.2004.

⁴ У Аджарии будет новый статус // Свободная Грузия, 26.06.2004.

В таких условиях состоялся визит М. Саакашвили в Москву 2-4 июля 2004 г., прошедший сразу после участия президента Грузии в саммите НАТО в Стамбуле. Там политика Саакашвили получила поддержку Запада. Учитывая обострение ситуации в Южной Осетии, Саакашвили получил карт-бланш на дальнейшее провоцирование напряженности в регионе. На переговорах с руководством России Саакашвили договорился с Москвой о совместном патрулировании границы и предложил компромисс по вопросу о российских базах в Грузии. Им было предложено создать совместный российско-грузинский антитеррористический центр (как можно было понять, на основе российской военной базы) и обещано не размещать на территории Грузии войска НАТО. Кроме того, Саакашвили заявил об упрощении в одностороннем порядке визового режима с Россией и выразил надежду на аналогичный шаг с российской стороны. В обмен он добивался согласия России на воссоединение с Грузией «сепаратистских территорий», в первую очередь, Южной Осетии. При этом грузинский лидер обещал вести переговоры с Южной Осетией и «дать ей гарантии, равные тем, которые имеет Северная Осетия в составе Российской Федерации», использовать не силовые, а политические методы, вернуть в Грузию всех осетин, покинувших её в 1991-1992 гг. и выделить землю тем, чьи дома были разрушены.

На пресс-конференции в Москве Саакашвили потребовал извинений от посла по особым поручениям МИД РФ Михаила Майорова, возглавляющего российскую делегацию в СКК. Майоров не смог прямо ответить на вопрос главного грузинского переговорщика Г. Хаиндрава о том, какие две страны связывает Рокский тоннель. Тут можно согласиться с президентом Грузии: «это недопустимая оплошность и непрофессиональный подход». Допустить столь провокационный вопрос и не суметь дать на него достойный ответ было, действительно, крайне непрофессионально. Обсуждать с грузинскими представителями вопрос установки таможенного поста у Рокского тоннеля вообще не должно было входить в компетенцию российских дипломатов. Понятно, что Россия никогда не могла бы согласиться на установку грузинского или совместного таможенного поста у северного выхода из Рокского тоннеля, на своей территории. Установка же грузинского поста у южного выхода, на территории Южной Осетии (Грузии) является внутренним делом Грузии, обусловлено главным образом возможностями этой страны, и должно волновать Россию только как фактор дестабилизации или же, напротив, стабилизации в зоне конфликта. Любой другой подход

предполагает изменение российской позиции по вопросу о признании территориальной целостности Грузии, чего нельзя исключать, но что должно быть оформлено как решение высшего политического руководства России.

Вряд ли Саакашвили получил в Москве согласие на свои предложения, но главное было сделано. Позиция Грузии была определена, компромисс с Россией, которого, возможно, хотели бы заокеанские партнеры Саакашвили, был предложен. Саакашвили сумел убедить своих партнеров, что подчинение Цхинвали - вопрос нескольких недель, население Южной Осетии ждет «революции роз», а Россия останется в стороне от событий в регионе. Руки у грузинского руководства были развязаны, а президент Грузии как раз в эти дни отбыл с визитом в Иран.

7 июля подразделения внутренних войск и миротворцев Грузии во главе с И. Окруашили провели силовую акцию против российских миротворцев у села Курта. В центре внимания оказался район восточнее Цхинвала, где грузинские военнослужащие контролировали построенную объездную дорогу. По словам министра обороны Грузии Георгия Барамидзе, «именно потому, что мы хотим мира и мирного решения этого вопроса, мы должны быть готовы к войне и любым осложнениям». Практически впервые из уст высокопоставленного грузинского чиновника прозвучало ранее табуированное слово «война». В тот же день в регионе начались перестрелки сторон и обстрелы населенных пунктов.

МИД РФ обвинил Грузию в действиях, «ведущих к развалу работы СКК по урегулированию». Министр обороны РФ С. Иванов, находясь в Лондоне, назвал обострение обстановки в Южной Осетии спланированной акцией Тбилиси. Источники в МИД РФ сообщили газете «Известия»: «мы не останемся безучастны, и в Тбилиси должны это понимать»⁵.

Очевидно, кризис в эти дни вышел из-под контроля противостоящих сторон конфликта. Характерно, насколько часто в эти дни как грузинские, так и южноосетинские политики говорили о войне. 9 июля по инициативе грузинской стороны состоялся телефонный разговор между В. Путиным и М. Саакашвили, вернувшимся из Ирана. Вряд ли итог разговора был утешителен для президента Грузии. В противном случае, сложно объяснить те за пределами жесткие за-

⁵ Иашивили А., Григорьева Е. Цхинвали предлагает грузинским солдатам сложить оружие // Известия, 10.07.2004.

явления, с которым он выступил 10 июля перед выпускниками Национальной академии министерства обороны Грузии, на брифинге 11 июля и 12 июля в Тбилисском аэропорту перед вылетом в Лондон. По словам Саакашвили, «имперские силы на территории Российской Федерации инспирируют вооруженный конфликт в Южной Осетии. Если будет конфликт, то это не будет внутренним конфликтом Грузии, а будет вооруженным конфликтом между Грузией и Россией. Я хочу, чтобы в России это очень хорошо уяснили себе». По сути, было объявлено о кардинальном изменении политики Грузии по отношению к России: «мы протянули руку дружбы России, но она пока ещё висит в воздухе». «На севере многим неприятно, что грузинский народ за последние восемь месяцев становится на ноги». По мнению грузинского президента, Россия намеренно спровоцировала конфликт в Южной Осетии, чтобы помешать Грузии вступить в НАТО. Президент Грузии «не действует по сценариям и графикам, написанным в московских кабинетах и кабинетах ГРУ». Тут Саакашвили попытался оговориться: «говоря о московских кабинетах, я не говорю о президенте России, хотя, если надо будет, мы скажем и это». Все точки над *i* были расставлены. Российская армия, по мнению Саакашвили, вдвое слабее, чем польская, а «весь мир будет защищать интересы Грузии» в случае российской агрессии, против которой «мы будем бороться до последней капли крови». По мнению Саакашвили, «мандат миротворческой операции в общем нужно пересмотреть»⁶. Теперь, по словам грузинского лидера, «все средства пойдут на оборону», «каждая грузинская семья должна стать оборонным штабом».

14-15 июля в Москве прошли переговоры в рамках СКК, на которых грузинская сторона вновь поставила вопросы о «восстановлении» своего контроля над Рокским тоннелем и о демилитаризации зоны конфликта, понимая под этим вывод «вооруженных лиц» из Джавского района. Тем не менее, грузинская дипломатия, фактически, потерпела поражение и в текст подписанного по итогам переговоров протокола требования Тбилиси не вошли. Грузинская сторона обязалась вывести из региона дополнительные подразделения внутренних войск и упразднить все дополнительные блокпосты. Соглашение 15 июля дало шанс вернуться к мирному переговорному процессу. Тем более что за ним последовал вывод из Южной

⁶ Позиция // Свободная Грузия, 13.07.2004; Задача - собраться в кулак // Свободная Грузия, 13.07.2004; Юсин М. Михаилу Саакашвили надоело притворяться // Известия. 13 июля 2004 г.

Осетии подразделений добровольцев или «наемников», что было признано и грузинской стороной. К сожалению, этого не произошло. Возможно, причиной провала соглашения от 15 июля стали слишком недостаточные усилия переговорщиков, не укрепивших достигнутые успехи новыми миротворческими инициативами. Как отметил С.Набздоров, «сопредседатели СКК как-то ушли в сторону, и их не слышно».

В это время, судя по всему, Саакашвили явно осознал неудачу проведенной в июне - июле кампании в Южной Осетии. По его словам, «сценарии не одинаковые, не существует тбилисского сценария в Батуми и батумского сценария в Цхинвали. Везде специфическая ситуация»⁷. Впрочем, в эти дни, которые генерал С.Набздоров назвал «затишьем перед бурей», появились и первые признаки нового обострения ситуации в зоне конфликта. Возможно, сигналом к этому стало батумское заявление Саакашвили о возможной денонсации Грузией Дагомьских соглашений. Не вполне понятно, какую роль в очередном обострении сыграл визит в Грузию специального представителя государственного секретаря США по конфликтам в Евразии Стивена Манна. Вслед за ним в Грузию и «Цхинвальский регион» отправился специальный представитель председателя ОБСЕ бывший президент Болгарии Желю Желев, намеренный подготовить рекомендации по урегулированию ситуации. Во время переговоров с ним Н.Бурджанадзе призвала расширить мониторинг ОБСЕ в «Цхинвальском регионе», в том числе, на Рокском тоннеле, увеличить представительство ОБСЕ в зоне конфликта, а также осудила «явные нарушения» Договора об обычных вооруженных силах в Европе со стороны России.

30 июля постоянно действующий совет ОБСЕ одобрил предложения грузинских властей по урегулированию конфликта в Южной Осетии, состоящие в расширении географии участия Миссии ОБСЕ в зоне конфликта, установлении контроля над Рокским тоннелем и возвращении в переговорном процессе к так называемому Баденскому документу 13 июля 2003 г. Кроме того, ОБСЕ положительно отнесся к грузинской инициативе о проведении международной конференции по вопросам конфликта, предложив провести её в сентябре 2004 г. в Софии. Таким образом, грузинская сторона использовала затишье для попытки оттеснить от переговорного процесса Россию, поставить Южную Осетию под контроль ОБСЕ и передать

⁷ Михаил Саакашвили лично убедился, что села Лиахвского ущелья надежно защищены // Свободная Грузия, 20.07.2004.

в руки этой организации будущее урегулирование конфликта, то есть интернационализировать его. О функционировании механизма СКК в этом случае речь вообще не шла, грузинская сторона предпочла забыть о механизме, в котором позиции России были достаточно сильны. Как видим, ОБСЕ с радостью, хотя и не без осторожности, согласилось на грузинские предложения.

Пока в зоне конфликта продолжалось затишье, грузинские вооруженные формирования прочно оседлали объездную дорогу Эредви - Хеити. Именно за контроль над этой дорогой в дальнейшем шли интенсивные вооруженные столкновения между сторонами. В отличие от конфликтов начала 1990-х гг. в Абхазии и Нагорном Карабахе, где имелась четко выраженная линия фронта, в Южной Осетии война и в то время, и летом 2004 г., имела другой характер. Здесь основной задачей было блокирование коммуникаций противника и вытеснение населения из грузинских анклавов или из мятежных осетинских сел и Цхинвала. Для этого использовались постоянные, изнуряющие обстрелы, нападения на транспортные колонны, тотальная блокада. Поэтому столь большое значение в этом конфликте приобрели дороги, ставшие для обеих сторон настоящими «дорогами жизни».

В последних числах июля ситуация снова вышла из-под контроля. Обеспокоенный председатель ОБСЕ С.Пасси призвал стороны реализовать решения СКК от 2 июня и 15 июля, снять незаконные блокпосты и вывести незаконные вооруженные и полицейские формирования, распустить «местные отряды самообороны», как можно скорее провести встречу СКК для обсуждения мер по дальнейшей демилитаризации региона и встречу технических экспертов по согласованию мер эффективного контроля. Как видим, о контроле над Рокским тоннелем и о расширении географии действий наблюдателей ОБСЕ речь уже не шла. Но остановить эскалацию насилия это не могло. 4 августа М. Саакашвили вылетел в США, где южноосетинская тематика должна была стать главной темой его переговоров с К.Пауэллом, Д.Рамсфелдом и К.Райс. Любопытно, что встречи с Д.Бушем у Саакашвили не состоялось. Там им вновь было сделано несколько крайне самонадеянных заявлений. В частности: «Грузия будет делать своё дело, вернется Абхазия, а про Цхинвальский регион я вообще ничего не говорю, настолько для нас это просто»⁸. Что

касается России - «мы должны понимать, с каким феноменом имеем дело. Эти люди хотят вывести нас из себя, сделать что-то такое, чтобы появился повод осуществить против Грузии агрессию». Вряд ли попытка Саакашвили представить кризис в Южной Осетии как конфликт между Россией и Грузией нашли полное понимание в Вашингтоне, но карт-бланш на некоторое время он получил. Несколько дней спустя первый заместитель министра иностранных дел РФ В.Лощинин дал своего рода ответ: «Россия не может оставаться безучастной к судьбе российских граждан, проживающих в Абхазии и Южной Осетии, и будет отстаивать их интересы и безопасность»⁹.

9-11 августа состоялся визит в Москву министра обороны Грузии Г.Барамидзе. Перед началом переговоров министр заявил об отсутствии у Грузии намерения подталкивать дискуссию с Москвой о выводе российских военных баз. На переговорах с начальником Генерального штаба РФ Ю.Балуевским была достигнута договоренность о выводе Грузией и Россией из Южной Осетии всех вооруженных формирований, кроме миротворческого контингента, зона ответственности которого расширяется на всю Южную Осетию. Не очень ясно, какие именно формирования из региона могла бы вывести Россия, не имеющая там официально ни одного солдата, кроме военнослужащих миротворческого контингента. А о вряд ли возможном расформировании южноосетинских вооруженных формирований договариваться надо было бы, по крайней мере, при участии представителей Цхинвала. Как следствие, ситуация в зоне конфликта продолжала обостряться.

После событий начала августа, напоминающих настоящую войну, спикер парламента Грузии Н.Бурджанадзе заявила, что «Грузия должна готовиться к худшему сценарию». Принятое 13 августа заявление парламента Грузии имело явное антироссийское содержание, Россия была объявлена одной из сторон конфликта, осуществляющей акт агрессии против Грузии. Парламент Грузии потребовал изменения мандата миротворцев РФ на территории Грузии и интернационализации миротворческой операции.

В это же время активизировалась американская дипломатия. Вечером 13 августа прошла встреча М.Саакашвили с послом США в Грузии Р.Майлзом и послом США в ОБСЕ С.Миникисом. Амери-

⁸ Вашингтонские встречи // Свободная Грузия, 07.08.2004.

⁹ Лощинин В. Угроз Тбилиси не принимаем // Российская газета, 12.08.2004.

канские дипломаты призвали президента Грузии «сделать все возможное, чтобы в Цхинвальском регионе не начались широкомасштабные боевые действия» и «подтвердили роль России в урегулировании конфликта». При этом Миникис выразил сомнения в реалистичности расширения мандата наблюдателей ОБСЕ в Цхинвальском регионе, так как для этого требуется согласие всех 54 послов. Это, безусловно, резко контрастировало с недавним заявлением парламента Грузии. С близким по духу умиротворяющим заявлением выступил представитель Государственного департамента А.Эрели. Ведущиеся главой МИД Грузии переговоры в венской штаб-квартире ОБСЕ повисли в воздухе. Секретариат ОБСЕ пообещал тщательно изучить предложения грузинской стороны, председатель ОБСЕ С.Пасси вновь озвучил свою идею о мирной конференции в Софии – этим всё и ограничилось. Более того, после обострения ситуации вокруг Цхинвала 19 августа, в заявлении руководства ОБСЕ говорилось, преимущественно, о соблюдении условий прекращения огня в качестве основы для углубления переговорного процесса в рамках СКК.

Находясь в Сочи, 18 августа президент РФ В.В.Путин заявил о невозможности в ближайшее время своего визита в Грузию, об ответственности Грузии за возникновение конфликтов в Абхазии и Южной Осетии, а также о готовности России «выступить в роли посредника и гаранта достигнутых договоренностей, которых можно будет добиться, если на то есть добрая воля». В тот же день министр иностранных дел РФ С. Лавров четко высказался против проведения международной конференции по Южной Осетии, призвав к использованию уже имеющихся механизмов урегулирования конфликта.

Кульминацией конфликта стали события 19 августа, когда подразделения внутренних войск Грузии атаковали осетинские позиции на высотах Цинакана. Тем не менее, во второй половине дня Саакашвили неожиданно заявил об отходе грузинских войск с занятых высот и отдал приказ о выводе из Южной Осетии дополнительных вооруженных формирований, за исключением миротворцев. Наличие политической воли со стороны Саакашвили стало гарантией выполнения принятых решений. Решение Саакашвили было сразу же энергично поддержано администрацией США, заявившей о своей «крайне обеспокоенности этим продолжающимся насилием». Вероятно, что именно позиция США заставила Саакашвили пойти на попятную, в грузинском руководстве явно возобладала «мягкая» линия.

Некоторые резкие заявления грузинских чиновников и самого Саакашвили не могли изменить общей тенденции. В частности, 24 августа в интервью французской «Liberation» Саакашвили обвинил Россию в нападении на Грузию и сообщил европейским читателям: «мы очень близки к войне, и надо, чтобы население к этому было готово». На пресс-конференции Саакашвили поставил в пример грузинской армии действия чеченских боевиков после российской армии и выразил надежду, что «скоро грузинская армия будет готова к тому, чтобы в случае наглых атак победить российские войска на территории Грузии». Глава парламентского комитета по обороне и безопасности Г.Таргамадзе обвинил Россию в намерении напасть на Грузию в разгар боев вокруг Цхинвала, о чем, якобы, свидетельствует, концентрация российских войск у Рокского тоннеля. Правда, Таргамадзе не сообщил о том, что в эти дни шла подготовка к ранее запланированным маневрам 58 армии в Северной Осетии, начавшимся 23 августа. Хотя, не исключено, что в случае резкого обострения ситуации в Южной Осетии и начала широкомасштабной войны российские войска действительно могли бы быть введены на территорию непризнанной республики.

Все это время в Тбилиси шел процесс выработки формата «плана урегулирования» грузино-абхазского и грузино-осетинского конфликтов, рассчитанного, конечно, не столько на население и руководство непризнанных республик, сколько на «международное сообщество». Первые наброски этого плана были изложены М.Саакашвили на заседании Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке в сентябре 2004 г. 26 января на зимней сессии ПАСЕ М.Саакашвили представил «план урегулирования грузино-осетинского конфликта». Это представление носило характер вполне пиаровского хода, не имеющего реальной перспективы, так как план не был результатом консенсуса ни внутри Грузии, ни в отношениях Грузии с Цхинвалом и Москвой. Единственный смысл, заложенный в инициативе Саакашвили, озвучил вице-премьер Г.Барамидзе: «если правительство Цхинвальского региона не примет эти инициативы, то всем станет ясно – только Грузия не в силах решить эту проблему и нужно будет содействие Евросоюза или США». Саакашвили практически признал свои ошибки, заявив о недопустимости спешки в урегулировании, которая «может принести больше вреда, чем добра», поэтому предлагаемая инициатива была рассчитана на «переходный срок» в три года. В очередной раз было сказано о готовности предоставить Южной Осетии автономию, гораздо шире той, которую

Северная Осетия имеет в составе РФ. Южная Осетия будет иметь свое правительство, парламент, обладающий серьезными полномочиями в сфере экономики (создание свободной экономической зоны, инвестиции), культуры, образования (преподавание на осетинском языке), просвещения. В то же время, южные осетины будут представлены в государственных и судебных структурах Грузии. Обещано было также упрощение визового режима с Россией, репатриация осетин, уехавших из Грузии, интеграция вооруженных сил Южной Осетии в вооруженные силы Грузии. Несмотря на пиаровский смысл этой акции, можно отметить, во-первых, продуманность и подробность предлагаемого статуса мятежной автономии, а во-вторых - последовательное использование Саакашвили названия Южная Осетия, а не терминов «Самачабло» или «Цхинвальский регион».

В дальнейшем предложения Саакашвили были развернуты в достаточно подробный документ, предполагающий их последовательную реализацию на протяжении трехлетнего переходного периода под контролем международных организаций. План предполагает:

- отказ сторон от применения силы,
- взятие Грузией на себя социальных обязательств (имущественная реституция, денежная компенсация пострадавшим, разовая выплата пенсионной задолженности с 1991 г., сохранение нынешних льгот и пенсий),
- экономическую реабилитацию (создание Фонда экономической поддержки Южной Осетии, рассмотрение возможности создания в Южной Осетии специальной экономической зоны),
- восстановление автономии в прежних границах,
- выборность (путем всеобщего голосования) главы и парламента автономии, выборность местных властей,
- представительство южных осетин во всех ветвях власти Грузии (в том числе, предоставление им квоты в парламенте),
- официальный статус осетинского языка в автономии, гарантии получения образования на родном языке, гарантии функционирования СМИ на осетинском языке,
- установление упрощенного пограничного режима на южно-осетинском участке грузино-российской границы,
- функционирование в переходный период смешанной грузино-осетинской полиции/милиции, создание совместной комиссии по расследованию военных преступлений.

Негативная реакция Южной Осетии была предсказуемой и не

вызвала удивления в Тбилиси. Москва же предпочла не заметить инициативу Саакашвили, как несогласованную ни с российской, ни с южноосетинской стороной.

Единственное, чего добился Саакашвили своей летней авантюрой в Южной Осетии - это несколько десятков убитых и более ста раненых с обеих сторон, реанимация взаимной неприязни между грузинами и осетинами, перевооружение и укрепление южноосетинской армии. Теперь Тбилиси должен заново выстраивать и человеческие, и политические, и экономические отношения с бывшей автономией. По оценке П. Закареишвили, «население Цхинвали отделилось от остальной Грузии после событий лета 2004 года вследствие неправильной политики властей Грузии». Ещё одно последствие конфликта - закрепление существующей до этого лишь виртуально «линии фронта». Те грузинские анклав, которые до этого, де-факто, являлись независимыми, одинаково не подчиняясь ни Тбилиси, ни Цхинвалу, существуя в качестве своего рода «нейтральной зоны», теперь были вынуждены определиться. Их, по сути, заставили принять на своей территории грузинских полицейских, грузинские государственные органы, вернуться в заложники политики Тбилиси в южноосетинском вопросе. Очевидно, это не добавило ни безопасности их жителям, ни стабильности региону. В первую очередь, это касается грузинских сел севернее Цхинвала.

Наконец, события мая-августа 2004 г. в Южной Осетии вбили серьезный клин в российско-грузинские отношения, доведя диалог Москва-Тбилиси до одной из наиболее нижних точек за последнее десятилетие. В то же время, Саакашвили на какое-то время укрепил своё внутривнутриполитическое положение, сплотил нацию перед угрозой со стороны «внешнего врага» - России.

Россия во время южноосетинских событий заняла достаточно определенную позицию, сделав почти всё, что могла для предотвращения широкомасштабной войны. Удалось вернуть урегулирование конфликта в рамки механизма СКК, избежать интернационализации переговорного процесса, чреватой ослаблением позиций России в регионе. Миротворческие силы не были втянуты в провокации. Авантюру с размораживанием конфликта Россия остановила, южно-осетинская проблема вновь заморожена до лучших времен. На это вызов Россия смогла найти адекватный ответ, но сам характер вызова соответствовал в большей степени реалиям вчерашнего, а не сегодняшнего дня.

Абхазия

Случайно совпавшие по времени внутривнутриполитические кризисы в Абхазии и на Украине во многом различны, но, безусловно, имеют некоторые черты сходства. В обоих случаях наглядно проявился заметный недостаток российской внешней политики - нежелание и неумение Москвы работать со всем политическим спектром какой-либо страны, исключительная и упорная ориентация на одну избранную в качестве «пророссийской» фигуру. Но, даже сделав такую ставку, можно не игнорировать оппозицию, а проводить с её представителями консультации, считаться с мнением её лидеров.

В Абхазии изначально ставка на Рауля Хаджимба была вполне оправданна и логична. Действительно, этот политик сохранил бы преимущество власти в Абхазии, его курс по отношению к России и Грузии был предсказуем и, наконец, даже враги не могли обвинить Хаджимба в коррумпированности. Сложно с уверенности сказать, было ли поражение Хаджимба полным, не требовавшим проведения второго тура президентских выборов, или же его противники искусственно «натянули» эти доли процента. В любом случае, стало очевидно, что поддержанному Москвой претенденту не удалось стать общенародным лидером, хотя, впрочем, им не смог стать и его основной соперник Сергей Багапш.

В абхазском обществе углублялся раскол на «наших» и «не наших». В то же время, достаточно очевидно, что любой будущий президент Абхазии, будет ли им Багапш или Хаджимба, в условиях такого раскола общества стал бы достаточно слабой фигурой, не приемлемой для значительной части населения. Неизбежен дефицит его общественной поддержки, который, в случае какого-либо кризиса, мог бы поставить под вопрос само сохранение абхазской государственности. Поэтому оптимальным выходом из сложившейся ситуации стало бы достижение компромисса между Багапшем и Хаджимба, при котором была бы признана победа Багапша, а Хаджимба, объясняя это заботой о сохранении абхазского государства, стабильности и мира в Абхазии, призвал бы своих сторонников отказаться от дальнейшего противостояния.

К сожалению, длительное время этот сценарий оставался как будто бы вне поля зрения Москвы. После неудачной попытки найти компромисс во время визита Хаджимба и Багапш в Москву 1-3 ноября, некоторые московские чиновники сделали ставку на почти силовое «проталкивание» своего кандидата. Основанием для этого стали также силовые действия сторонников Багапш, пошедших на

штурм здания правительства республики. 12 ноября официальный представитель МИД РФ А.Яковенко пообещал, что «если ситуация будет развиваться по противоправному пути, то российская сторона будет вынуждена предпринять необходимые меры по защите своих интересов». МИД РФ возложил всю ответственность за возможные последствия на Багапш и его сторонников, сочтя напряженность в Абхазии результатом действий деструктивных сил и их попыток насильственным путем захватить власть. Тем самым Москва перестала быть арбитром и однозначно стала на одну из сторон конфликта.

Загадочные «необходимые меры» были расшифрованы несколько позже. Уже 19 ноября Россия ввела ограничения пропуска граждан на абхазском участке границы. 23 ноября краснодарский губернатор А.Ткачев пригрозил Абхазии закрытием границы, что неизбежно повлекло бы за собой конец курортной отрасли и «мандаринового сезона». По словам губернатора, «ничтожная горстка зарвавшихся политиканов», «криминальные и антироссийские силы», стоящие за спиной Багапша, занимаются «большим политическим шантажом» и «нагло лгут». Отметим, что заявление, которое Ткачев сделал 1 декабря, не отличаясь по сути, было гораздо менее оскорбительным для сторонников Багапш. В тот же день, 1 декабря, с аналогичным заявлением выступил помощник председателя правительства РФ Г.Букаев. Он также пообещал закрыть границу «в случае дальнейших неконституционных действий» Багапша, за которым стоят «криминальные структуры» и «клика политиканов, ведущих республику к гражданской войне». Было прекращено движение электричек Сочи-Сухум, запрещен вывоз сельскохозяйственной продукции (мандаринов) из Абхазии в Россию, а 2 декабря перестал ходить поезд Москва-Сухум.

Такая блокада могла только усилить обнищание население республики и способствовать вызреванию антироссийских настроений. Если в середине 1990-х гг., во время действующей тогда блокады республики, абхазы могли получать те же бензин и муку из Турции, по морю, то теперь, когда грузинские пограничные корабли фактически контролируют абхазский участок побережья, изоляция стала бы полной. Подобные действия неприемлемы, тем более в отношении своих же граждан. Ведь и раздачу абхазам российских паспортов, и открытие железнодорожного сообщения нам объясняли заботой о правах человека, желанием помочь простым людям.

Однако реакция, которую все это вызвало в стане сторонников Багапша, оказалась не совсем той, на которую рассчитывали в

Москве. Вместо прихода с повинной головой в заявлениях её лидеров стали звучать некоторые антироссийские нотки. По словам кандидата в премьер-министры Анкваб, «если пенсии, гражданство, поддержка России - это зависимость, то мы этого не хотим». Оппозиционная активистка Ц.Гумба вообще обвинила Россию в абхазском внутривнутриполитическом кризисе: «сегодняшняя ситуация - результат старания большого соседа», который, якобы, «создал невыносимые условия», заставил абхазов принять российское гражданство.

По сути, в Абхазии сложилась тупиковая ситуация, чреватая двояв властью Багапш и действующего президента Ардзинба, а в перспективе - широкомасштабным гражданским противостоянием. Свидетельством возвращения Москвы к реальной политике, предполагающей выполнение посреднической миссии, стал визит в Сухум делегации во главе с заместителем Генерального прокурора РФ В. Колесниковым. После долгих переговоров 5-6 декабря удалось добиться компромисса между кандидатами, показавшими свою гражданскую ответственность за будущее республики. Любопытно, что этот компромисс был крайне негативно воспринят в Тбилиси. Министр по урегулированию конфликтов Г. Хаиндрава высказался о «насилии России над волей общества» и «психологическо-политическом насилии над соседней маленькой страной». Очевидно, что стабилизация, пусть пока и неустойчивая, ситуации в Абхазии нарушила некоторые планы Грузии. В то же время, некоторым российским политикам и чиновникам стоило бы не забывать, что именно стабильность в Абхазии, а не победа того или иного кандидата, в полной мере соответствует интересам России в регионе.

Внутриполитическая ситуация в сегодняшней Абхазии продолжает оставаться неоднозначной и взрывоопасной. Достигнутый между Багапшем и Хаджимба компромисс непрочен, стороны активно заняты перетягиванием каната. Очевидно, что в неизбежном противостоянии между Хаджимба и Лакоба главной проигравшей стороной окажется сама Республика Абхазия. Выиграет же, скорее всего, премьер-министр А. Анкваб, столкнувшийся лбами своих конкурентов и планомерно укрепляющий свои позиции. Не исключено, что в проигрыше окажется и С. Багапш, став со временем декоративным президентом при сильном и авторитарном премьер-министре.

Отсутствие единства в правящей элите Абхазии, учитывая сложную ситуацию вокруг республики, становится своего рода миной замедленного действия. Кроме того, экономическая ситуация в Абхазии за последние полгода скорее ухудшилась, что связано как с кри-

зисом власти во время президентских выборов, так и с ошибками, допущенными представителями российской власти, что не могло не отпугнуть потенциальных инвесторов. Новому абхазскому руководству достался практически пустой бюджет, а ещё не начавшийся курортный сезон в любой момент может оказаться под угрозой срыва из-за провокаций Тбилиси или возможного раскола во власти в Сухуме. Поэтому пока было бы преждевременно говорить о том, что Абхазия преодолела внутривнутриполитический кризис, хотя худших сценариев вроде бы удалось избежать.

Новое абхазское руководство пока что не выработало четкую линию в отношении переговорного процесса с Грузией. Допускаются взаимоисключающие или неосторожные высказывания, которые, безусловно, отслеживаются в Тбилиси. По сути, новый план решения абхазского и южноосетинского вопросов был представлен Саакашвили на заседании Генеральной Ассамблеи ООН 21 сентября 2004 г. Он состоит из трех основных пунктов. На первое место ставится «восстановление и углубление доверия между противостоящими сторонами» при значительной роли в этом неправительственных организаций, создание общего экономического пространства, реализация совместных экономических проектов. Одновременно осуществляется демилитаризация конфликтных регионов и интернационализация миротворческих сил. Предполагается расширение зоны, контролируемой миссией наблюдателей ООН, до Рокского тоннеля в Южной Осетии и проведение мониторинга международных наблюдателей на абхазском участке российско-грузинской границы. И, наконец, конфликтные регионы получают политический статус в составе Грузии с гарантированными широкими правами и полномочиями, предусматривающими самоуправление, фискальный контроль, защиту культуры и языка, представительство в центральных властях.

Впервые из Тбилиси исходит достаточно внятный план урегулирования конфликтов. Он основан на достаточно давно предлагаемой бывшими партнерами «Национального движения» по коалиции (республиканцами) идее «экономического открытия Абхазии» при сокращении роли российского фактора. Таким образом, ставка будет делаться не на силовое давление или угрозу силой, а на привлечение к урегулированию по выгодному Тбилиси сценарию возможно большего числа игроков. Другая характерная черта нового «плана Саакашвили» - его долгосрочный характер, понимание процесса возвращения мятежных автономий не как одномоментной акции, а

как сочетания различных планомерных действий. Изменение подходов грузинской стороны становится новым вызовом для независимой Абхазии.

Неизбежный провал будущих переговоров вполне очевиден и причина этого в том, что реальное отсутствие каких либо новых идей со стороны ООН маскируется очередной кампанией по продвижению «Плана Бодена», уже отвергнутого абхазской стороной. Сущность данного плана состоит, как известно, в признании территориальной целостности Грузии и определении статуса Абхазии как суверенного образования в составе суверенного Грузинского государства. Вряд ли можно рассчитывать, что новое руководство Абхазии с энтузиазмом займется выработкой «федеративного соглашения» между Тбилиси и Сухуми и согласиться с «безусловным правом всех изгнанных и перемещённых лиц на возвращение в свои дома в условиях полной безопасности». Думается, что дальнейшая апелляция к этому достаточно беспомощному документу вряд ли перспективна. Показательно, что сейчас сам Д.Боден отдает себе отчет в неудаче своей инициативы. Теперь, по его мнению, «хочется надеяться, что политикой маленьких шагов в ближайшем будущем все-таки удастся решить эти вопросы на пользу тех, кто живет в Абхазии и Южной Осетии»¹⁰.

Вопрос о реализации Сочинских соглашений по возобновлению железнодорожного сообщения через Абхазию в настоящее время заморожен грузинской стороной и продвижение в нём маловероятно. Официальный Тбилиси увязывает его не только с возвращением беженцев, но и с установлением контроля грузинских пограничников на р. Псоу, а также с определением статуса Абхазии.

Одним из наиболее острых на сегодня является вопрос о будущем миротворческой операции в Абхазии. По мнению Г.Хаиндрава, «ситуация с миротворцами в Абхазии будет серьезно обсуждаться», и в итоге «там могут оказаться и украинские, и румынские, болгарские или норвежские миротворцы. Они вполне могли бы принять участие в миротворческом процессе в Абхазии под эгидой ООН»¹¹. По словам С.Багапша, «что же касается привлечения к процессу украинских миротворцев, то этот вопрос не решается в одностороннем порядке. Я не думаю, что ООН или кто бы ни было пойдет на заме-

ну миротворческого контингента сейчас, поскольку это чревато новым обострением ситуации, а это никому не нужно»¹². Очевидно, что вопрос о замене российских миротворцев будет подниматься грузинской стороной, вероятно, при внешней поддержке, и в дальнейшем.

Консенсус в грузинской политической элите по поводу плана урегулирования абхазского конфликта пока не достигнут. Первоочередной задачей Тбилиси является урегулирование южно-осетинского конфликта, и лишь затем в повестке дня появится абхазский вопрос. Не исключено, что, согласившись на федеративные отношения с Южной Осетией, грузинское руководство предложит создание фактической конфедерации с Абхазией (согласно плану П.Закареишвили). Начало широкомасштабной военной авантюры Грузии в Абхазии в настоящее время маловероятно.

Целью же политики России по отношению к Абхазии остается сохранение статус-кво. Одновременно идет процесс постепенной и достаточно успешной интеграции Абхазии в российское экономическое пространство. Очевидно, что каким-либо образом озвучить и обосновать эту политику на международной арене весьма затруднительно. В этой связи необходимо, наконец, перестать говорить о борьбе России с чеченскими сепаратистами. Давно пора позиционировать события в Чечне как борьбу с террористами, что, кстати, гораздо в большей степени будет соответствовать реальности. В Абхазии и Южной Осетии основной заявленной целью политики России должна быть защита прав человека и прав граждан России, проживающих в этих регионах. В экономической сфере необходимы приоритетные инвестиции в Очамчирский и Ткварчельский районы (вероятно, в первую очередь в сельское хозяйство), так как в противном случае обещанные западные инвестиции в Западную Грузию заставят население наиболее бедствующей Восточной Абхазии экономически интегрироваться со смежными районами Грузии. В политической сфере была бы целесообразна активизация работы с армянской общиной Абхазии с целью способствовать её объединению, считая её весьма полезным для интересов России противовесом радикальному абхазскому национализму, своего рода гарантом демократического и правового развития республики.

¹⁰ Дитер Боден: У меня есть «золотой фонд» знаний о Грузии // Кавказский акцент, № 3 (124), 01.02-15.02. 2005.

¹¹ Хаиндрава Г. Есть основания для оптимистичных прогнозов // Свободная Грузия, 04.02.2005.

¹² Замена миротворческого контингента чревато обострением ситуации: интервью президента Абхазии Сергея Багапш ИА REGNUM // www.regnum.ru, 04.03.2005.

Нагорный Карабах

На фоне периодического обострения ситуации на линии армяно-азербайджанского противостояния вокруг Карабаха угрожающе звучат насыщенные военной риторикой высказывания И.Алиева, по мнению которого «в любой момент существует возможность начала войны, так как между нами нет соглашения о мире». В том случае, если конфликт не будет разрешен мирным путем в результате международного воздействия и «правильного отношения к вопросу руководства Армении», Алиев допускает возобновление военных действий. Для этого, правда, «мы ещё должны создать развитую экономику и сильную армию». 13 марта И.Алиев сказал турецкому обществу на телевидении: «мы не хотим войны, но пусть они знают, что мы всегда к войне готовы». Об этом же высказался министр обороны Азербайджана Сафар Абиев. По словам руководителя пресс-службы министерства обороны Азербайджана Рамиза Меликова, «если мы почувствуем, что надежды не осталось, то начнем войну».

Безусловно, такая позиция руководства Азербайджана связана с его относительной внутривнутриполитической слабостью, с необходимостью удовлетворения электоральных ожиданий беженцев в канун парламентских выборов, а также с угрожающим властной элите коррупционным скандалом в МВД республики. Тем не менее, в азербайджанском обществе явно нарастает военный психоз, и в какой-то момент эти процессы могут стать необратимыми, выйдя из под контроля власти. Показательно при этом, что население как Армении, так и Азербайджана, согласно данным социологических вопросов, уверено в своей победе в случае возобновления в Карабахе военных действий. По результатам опроса, проведенного Национальным советом молодежных организаций Азербайджана, более 69% молодежи республики уверены, что «оккупированные» земли можно вернуть только военным путем.

Определенные ожидания вызвала встреча В.Путина, И.Алиева и Р.Кочаряна в рамках саммита СНГ в Астане. После неё в СМИ появилась информация о достигнутой, якобы, предварительной договоренности по решению карабахского вопроса путем проведения референдума, которому должен предшествовать вывод армянских сил с территории «пояса безопасности». Время, истекшее после встречи в Астане, показало призрачность надежд на достижение прорыва в переговорном процессе. По сути, переговорный процесс, за исключением эпизодических встреч лидеров двух стран, сведен к так на-

зываемому «Пражскому процессу», то есть к регулярным встречам министров иностранных дел Армении и Азербайджана Вардана Осканяна и Эльмара Мамедьярова.

Азербайджанская сторона, не отказываясь от воинственной риторики, явно стремится расширить круг вовлеченных в переговоры международных структур. Такое расширение предполагается за счет ПАСЕ и Парламентской ассамблеи НАТО. Формат Минской группы ставится под сомнение. Азербайджан не согласен с формулировкой «вы договоритесь, а мы утвердим» и считает необходимым оказание содействия сторонам переговорного процесса.

Очевидно, что в последние месяцы в карабахском вопросе наблюдается интенсификация если не переговорного процесса, то, по крайней мере, действий международных посредников и обмена заявлениями. Особенно активизировались в этом вопросе европейские организации. При этом, правда, говорить о какой-либо единой позиции Европы пока что не приходится. Позиция США в карабахском вопросе пока остается слабо артикулированной. Позиции сторон противостояния остаются антагонистическими, хотя в позициях Еревана и Степанакерта можно, на наш взгляд, уловить некоторые признаки смягчения. Позиции армянской стороны, как представляется, за последний год несколько ослабли. Некоторые новые или относительно новые предложения, как то проведение референдума или введение в зону конфликта миротворческих сил, судя по всему, обсуждаются преимущественно за закрытыми дверями. Вряд ли ситуация в этом вопросе изменится в ближайшие месяцы, по крайней мере, до парламентских выборов в Азербайджане.

При этом необходимо отметить, что эти действия Западной Европы и США носят пока что, как правило, несогласованный характер. Тем не менее, надо предполагать, что в дальнейшем, особенно, по мере выработки единой внешней европейской политики параллельно с активизацией усилий Вашингтона по формированию внешней политики «Новой Европы» (Польша и т.д.), координация действий между США и Европой в Закавказье будет возрастать.

Об активизации действий США по усилению давления на непризнанные государства говорит, в первую очередь, явный рост интереса в Вашингтоне к данной проблематике. Любопытны в этой связи высказывания бывшего заместителя госсекретаря США по делам Европы и Евразии Элизабет Джоунз. По её мнению, «сепаратисты» в граничащих с Россией территориях «подрывают безопасность в том числе и России», и не в интересах ни России, ни США или Европы

«допускать продолжение этой преступной деятельности», так как «нам всем невыгодно, чтобы эти области служили перевалочным пунктом для транспортировки и торговли оружием». По словам Джоунз, «необходимо найти способы решения этих проблем в политическом ключе», и «Россия способна сыграть ведущую роль в решении этих вопросов»¹³. Кроме того, находясь в начале февраля 2005 г. в Тбилиси, заместитель госсекретаря США Лора Кеннеди заявила, что США готовы оказать помощь Грузии в урегулировании абхазского конфликта, поддерживают курс руководства Грузии на его мирное урегулирование и готовы рассмотреть вопрос об оказании экономической помощи Абхазии и осуществлении в регионе ряда реабилитационных проектов. Сенатор-республиканец Ричард Лугар призвал поддержать «мирный план по южной Осетии», выдвинутый Саакашвили, как «содержащий формулу прорыва».

Руководство Грузии не скрывает своего намерения оттеснить Россию от переговорного процесса по урегулированию абхазского и южно-осетинского конфликтов. В конце января 2005 г. Н.Бурджанадзе заявила, что «нельзя оставлять процесс урегулирования грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов только в рамках СНГ и в руках России». По её мнению, важна «действенная интернационализация мирного урегулирования, необходимо более активное участие в этом международных организаций - ОБСЕ, Евросоюза, Совета Европы и других». Во время визита в Грузию действующего председателя ОБСЕ главы МИД Словении Димитрия Рупеля в конце марта 2005 г. Г.Хаиндрава потребовал «нейтрализовать Россию в процессе урегулирования абхазского и южно-осетинского конфликтов», так как Россия здесь «играет негативную роль». По уверениям грузинской стороны, во время переговоров имело место полное взаимопонимание. Таким образом, продолжающиеся попытки оттеснить Россию от переговорного процесса будут, скорее всего, находить понимание (хотя и осторожное) в ОБСЕ и других организациях.

Реанимация ГУУАМ и Россия

На сегодня мы наблюдаем реанимацию ГУУАМ в усеченном виде (без Узбекистана, но с вероятным в той или иной степени участием Польши, Румынии и стран Балтии). В этом «ГУАМ» лидирующую роль, как представляется, должна сыграть Украина. Напро-

тив, Азербайджан занимает достаточно осторожную и выжидательную позицию.

Новый ГУАМ может стать привлекательным для своих членов только сформулировав для себя новые цели. Очевидно, что транзитная функция ГУУАМА на сегодня оказалась несостоятельной, вследствие чего необходимо искать новые цели, оправдывающие свое участие в этой организации. Для Украины такая цель ясна - доминирование если не на всем постсоветском пространстве, то на его значительном сегменте. Потенциал этой страны при поддержке со стороны Запада делает такую цель принципиально достижимой. Для Грузии, Молдавии и Азербайджана ГУУАМ может стать привлекательным как одна из форм активизации международного давления на непризнанные государства. Используя механизмы данного объединения, его члены намерены решать проблему непризнанных государств путем многостороннего давления на них и привлечения международных структур, а полигоном для отработки этой методики может стать Приднестровье. Основное содержание данной модели - интернационализация миротворческой миссии, расширение формата переговоров, создание внутренней оппозиции, в случае необходимости - экономическая блокада.

Учитывая, что для возрожденного ГУУАМ первоочередной целью станет именно решение вопроса непризнанных государств, в ближайшее время не следует ожидать активных действий по возвращению в его орбиту Узбекистана. На ближайшее время он останется трехсторонним блоком, а основное место в его повестке дня займут милитаризация организации и деятельность по урегулированию конфликтов. Но также очевидно, что основные усилия вдохновителей этого союза в течение 2005 г. будут направлены на более основательное втягивание в орбиту «ГУМа» Азербайджана.

Неясно, насколько на позицию Азербайджана повлиял недавний визит в республику Д.Рамсфелда. Но, если уговоры не дадут желаемого результата и участие Азербайджана в ГУАМ будет оставаться пассивным, остается наиболее решительное и быстрое решение - оказать содействие азербайджанской оппозиции в проведении очередной «цветной революции». В подтверждение этой логики, можно обратить внимание на слова известного американского эксперта по СНГ Марты Брилл Олкотт в связи с вопросом об ожидаемых новых «цветных революциях»: «Я бы обратила внимание прежде всего на

¹³ Элизабет Джоунз: США - не диктатор // Независимая газета? 18.01.2005.

Казахстан и страну из другого региона - Азербайджан»¹⁴. Решив «проблему Алиева», «ГУУАМ» обратится к Центральной Азии (Казахстану, учитывая его энергетические ресурсы и тесный союз с Россией) и сможет перейти к выполнению своей основной функции - созданию санитарного кордона, отделяющего Россию и простирающегося от Балтийского моря до границ с Китаем.

Какие шаги будет способна предпринять Россия для противодействия этому сценарию? Такие шаги, скорее всего будут в большей степени оборонительными и основанными на поддержании статус-кво. Кремль будет и далее выстраивать максимально добрососедские отношения с Азербайджаном, учитывая, безусловно, ограничения, накладываемые на этот процесс российско-армянскими отношениями. Очевидно и то, что Москва будет избегать поддержки той или иной стороны в карабахском урегулировании. В свою очередь, в случае изменения политики Азербайджана по отношению к России, вполне вероятно и изменение отношения Москвы к карабахской проблеме.

Очевидно, что воссоздание ГУАМ лишней раз подкрепляет намерение Кремля осуществлять максимальную поддержку непризнанных Приднестровья, Абхазии и Южной Осетии, не допуская реальных шагов по показательному возвращению в лоно бывшей метрополии ни одной из этих республик. Для этого необходимо не допускать интернационализации миротворческих операций на пространстве СНГ, и рычаги для этого у Кремля пока что есть. Единственный возможный сценарий их интернационализации, которому Москва не сможет противостоять - полный переход миротворческой операции под эгиду НАТО. Но это вряд ли является тем вариантом, который в полной мере устроил бы те же Тбилиси и Баку. Судя по опыту операций НАТО в последнее десятилетие, переход той или иной проблемы под её опеку ведет за собой лишь её замораживание, то есть установку контроля сил блока над определенной территорией. При этом не ставится цель передачи этой территории в какое-либо государство, скорее, эта территория входит в пространство НАТО как относительно самостоятельная единица.

Пока что Кремль не выработал эффективных ответов на новые вызовы времени. В тех же случаях, когда его реакция оказывается

своевременной и целесообразной, это, скорее, реакция на типологически старые вызовы. Механизмы, выработанные российской властью, и сработавшие, к примеру, в Южной Осетии летом 2004 г. в следующий раз могут и не сработать. Все это слишком напоминает попытку отражения гитлеровской агрессии 1941 г. с помощью опыта и приемов эпохи гражданской войны. Времена меняются, и действий по сохранению статус-кво в какой-то момент окажется уже недостаточно.

В то же время, партнеры России на постсоветском пространстве и на Западе должны понять, что вытеснение России из Европы и, в том числе, с территории Южного Кавказа не решит никаких проблем, скорее напротив. Россия, позиционирующая себя как европейская страна, приверженная демократии и правам человека, при всех оговорках является шансом как для себя самой, так и для всего международного сообщества. Если это позиционирование, под влиянием дальнейших геополитических поражений, изменится, проигрыш дальних и ближних соседей России будет крайне серьезным.

¹⁴ Олкотт М.Б. В Киргизии власть взяли люди из старой политической колоды // Известия, 15.04.2005.